

Феррари Ф.

Модена, Италия

Перевод Л. Шарычевой

**ГЕНДЕР И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
АМЕРИКАНСКАЯ ЖЕНЩИНА
КАК КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Понятие гендера является основой телесного опыта в когнитивной теории и понятии метафоры (Johnson & Lakoff, 1980, Lakoff, 1993), и стало категорией изучения культурно-ориентированного лингвистически-когнитивного анализа убеждения в политическом дискурсе. Точнее, концептуальная метафора в своем воплощении, в сущности, затрагивает проблему гендерного восприятия и представления. Отношения между гендером и метафорой стали продуктивными в отношении названной Лакоффом «идеализированной когнитивной модели».

С этой точки зрения было бы интересно рассмотреть, как гендерные представления могли не только формировать сложную систему метафор, как общего источника изображения, но и открывать новые аналитические перспективы для рассмотрения сущности убеждения в дискурсе. В нашем сознании категории «женщина – мужчина» могут стать полезными для формирования и аргументационной основы дискурса и для создания метода убеждения для привлечения зрителя.

Изучая современный политический дискурс, печатные издания рассматривают все возможные способы анализа тактики убеждения Джорджа Буша о необходимости ведения «превентивной войны» через гендерную категорию.

Ключевые слова: метафора, эмоции, гендер, воплощение, идентификация, убеждение, политический дискурс, национальная идентичность.

Сведения об авторе: Феррари Федерика, доктор философии (науки о языке и культуре), профессор.

Место работы: Университет Модены и Реджо-Эмилии (Италия).

Контактная информация: Via Paisiello, 14, 41122, Modena, Italy.

E-mail: federica.ferrari@unimore

Сведения о переводчике: Шарычева Любовь Олеговна, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация E-mail: L_sharycheva@mail.ru

Ferrari F.

Modena, Italy

Translated by L. Sharycheva

**GENDER AND IDENTIFICATION
IN POLITICAL DISCOURSE:
THE (AMERICAN) WOMAN AS AND BEYOND
A CATEGORY FOR ANALYSIS**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Abstract. Given the centrality of bodily experience to cognitive theory and to the notion of conceptual metaphor (Johnson & Lakoff, 1980, Lakoff, 1993), gender turns out to a possible category of research for a culturally oriented cognitive based linguistic analysis of persuasion in political discourse. More specifically, conceptual metaphor, for its very characteristic of embodiment, is intrinsically interested by issues of both gender perception and representation. The relation between metaphor and gender becomes particularly productive in consideration of what Lakoff (1987) defines “idealized cognitive models”.

From this point of view, it could be interesting to observe how gender notions could not only inform complex systems of metaphors, as common sources in mappings, but also open up new analytical perspectives to address the matter of persuasion in discourse. In this latter sense ‘Woman’ vs. ‘Man’ may turn out to be useful categories for placing both the argumentational foundation of a discourse and the persuasive mode of appealing its audience.

Focusing on contemporary American political discourse, this paper develops possible ways of analyzing G. W. Bush Jr.’s ‘preventive war’ persuasion strategy through the category of gender.

Key words: metaphor, emotion, gender, embodiment, identification, persuasion, political discourse, national identity.

About the author: Ferrari Federica, PhD in Language and Culture Sciences, Professor.

Place of employment: Università di Modena e Reggio Emilia (University of Modena and Reggio Emilia).

About the translator: Sharycheva Lubov Olegovna, a post graduate student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Введение. Короли и принцессы, рыцари и солдаты, спасители и жертвы – кто они на самом деле? Всего лишь герои из старых детских сказок? Неужели ковбои и их подружки настолько приелись американцам [Browne 2006: 74], что мы о них больше никогда не услышим? В то время как монстры вытеснили более традиционных сказочных персонажей из мультфильмов и другой продукции, ориентированной на детскую аудиторию, а вестерн уже трудно назвать самым популярным киножанром, герои, рыцари,

солдаты и ковбои по-прежнему наполняют американский дискурс самым неожиданным и причудливым образом. Самым неожиданным становится то, что, несмотря на доминирование героя-спасителя в мужском обличье, рядом с ним есть место и женской роли, цель которой – дополнить и уравновесить мужской персонаж. Сюжеты самых известных сказок, как правило, построены на определенном диалектическом противопоставлении мужского персонажа женскому. Это противопоставление, несмотря на

очевидное превосходство мужского персонажа над женским, своей природой обязано логике построения любой структурной оппозиции.

Это самое удивительное явление для современного американского политического дискурса проявляется в завуалированной форме и наблюдается в том, что эти сказочные персонажи, только уже в ином обличье, продолжают блистать в самых распространенных мечтах и фантазиях, которыми живет Америка и которые используются как средство убеждения. В этом отношении женская роль представляется не только как дополняющая и добавляющая симметрии, но и как совершенно необходимая для того, чтобы придать убеждению определенную значимость, вес и силу.

В настоящем обзоре мы предлагаем рассмотреть политическую стратегию убеждения через гендерную категорию. Наше исследование сосредоточено на выступлениях Дж. Буша, доказывающих необходимость ведения превентивной войны в Ираке. Мы также опираемся на данные нашего более раннего исследования, посвященного анализу публичных обращений Дж. Буша к американской нации в период с 2001 по 2004 годы [Ferrari 2007a].

В рамках нашего предыдущего исследования метафора рассматривалась через призму человеческих эмоций как аналитический способ, позволяющий изучать стратегии убеждения в дискурсе. Точнее, установленная нами метафорическая модель анализа исследований публичных обращений Дж. Буша к американской нации в период с 2001 по 2004 годы имела целью определение и описание выбранной им стратегии убеждения для оправдания проведения превентивной войны в Ираке. Когда мы классифицировали метафоры в зависимости от того эмоционального отклика, который они вызывают у аудитории (гнев, вера, гордость, презрение, страх, уверенность), мы получили типичный фрейм конфликта, который лежит в основе многих сказок и благодаря которому появляется линия страха. Вместе они закладывают, вносят смысл и в идеологический фундамент, и в ту стратегию убеждения, которая применяется в данном дискурсе. И фрейму конфликта, и линии страха присуща хорошо знакомая нам биполярная структура.

В данной статье мы пытаемся доказать, что эта биполярная структура также может быть рассмотрена через гендерную категорию, т.е. нам кажется, что тактику убеждения Дж. Буша можно интерпретировать с позиции гендера. Это относится и к риторическому стилю, и к его структуре.

Независимо от того, что стратегии убеждения Дж. Буша, несомненно, присущи типично мужские модели идентификации и типичный стиль мачо, во всей тактике построения его дискурса безошибочно угадывается структура гендерной категоризации, в которой опреде-

ленно есть место женскому персонажу. Роль этого персонажа задается самой структурой дискурса и воспринимается как необходимая и сама собой разумеющаяся. Кроме того, гендерная структура соотносится с указанной выше биполярной структурой.

Актуальность нашего исследования заключается в значимом потенциале гендера как категории идентификации и способа воздействия на аудиторию. Принимая во внимание то, что аудитория пользуется определенными гендерными стереотипами (в рамках как биологической, так и художественной концепций, люди определяются с гендерной стороны, т.е. мы полагаем, что аудитория, состоящая, в свою очередь, из людей, намеренно подвергается гендерной идентификации. Другими словами, как отмечала К. Бинум, все люди «разделены по гендерному признаку» [Binum 1986: 2]), и то, что процесс убеждения тоже происходит при помощи такой идентификации, мы считаем, что гендерная идентификация сначала закладывается на уровне речевых конструкций и уже потом создает нужный эмоциональный фон, столь необходимый в стратегии убеждения. Поэтому будет интересно проанализировать дискурс убеждения с точки зрения гендерных категорий.

Учитывая данные нашего более раннего исследования, основной целью настоящей работы является, во-первых, показать как согласно концепции культурных «идеализированных когнитивных моделей» (ИКМ) [Lakoff 1987] можно описать оппозицию концептов «типичная женщина» и «типичный мужчина» (несмотря на довольно скромное количество гендерных показателей первого концепта) в стратегии убеждения Дж. Буша. И во-вторых, как установленная оппозиция может одновременно соотноситься и с ранее укоренившейся национально-культурной спецификой нарратива, и с моделью, пропагандирующей национальную принадлежность и утверждающей национальную идентичность. Наша конкретная аргументация сводится к положению о том, что гендерное структурирование фрейма концепта (а именно фрейма конфликта), получающего развитие в дискурсе, приводит к появлению типичного концепта «женщина». Этот концепт, функционируя через распространенные, точно определенные структуры нарратива и методы идентификации, в конечном счете обуславливает процесс ведения и эффективность стратегии убеждения. Продуктивность подобных гендерных концептов кажется нам основанной на том факте, что они напрямую связаны с представлением о национальной идентичности.

И все же давайте посмотрим, как, действуя за рамками разделенных по половому признаку концептов «мужчина» и «женщина», категория гендера участвует в понимании и переосмыслении когнитивных фреймов и/или в формировании структур убеждения в стратегиях дискур-

са. Это может дать интересные результаты. Несмотря на то, что объекты нарратива, через которые и осуществляется убеждение, могут быть совершенно точно охарактеризованы по половому признаку, эффективность стратегии в большей мере определяется тем, какую отнесенность они получают непосредственно в контексте. Выходя за пределы вымышленного мира сказки, нарратива, на основе которого гендерные категории получают своё справедливое обоснование, мы рассматриваем гендер как структурную категорию, связанную с различием между субъектом и объектом дискурса.

Ограничивая ракурс нашего исследования и рассматривая стратегию убеждения с позиции гендера, мы приходим к истинной сути вопроса о национальной принадлежности и к тому самому, созданному в нарративе, мифу о национальной идентичности; в заключении мы опровергаем дифференциацию гендерных категорий, основанную на учёте только половых признаков. Таким образом, возникшее противопоставление американской женщины американскому мужчине – далеко не единственный вывод, который нам следует сделать.

Теоретические обоснования и методология. Наш подход базируется на когнитивном способе критической интерпретации текста в свете теории концептуальной метафоры, которая в настоящем исследовании сопряжена с двумя видами или уровнями анализа. Первый уровень является более общим, имеющим отношение к исследованиям в области литературных художественных текстов; он нацелен на способы структурирования нарратива. Второй уровень непосредственно связан с функционированием гендерных категорий, применяемых в анализе убеждения.

В плоскости первого «предваряющего» уровня анализа мы рассматриваем гендерные категории не столько в значении дифференциации по половому признаку, сколько в соотношении с такими понятиями, как национально-культурные способы представления, установленные клише, мифы (легенды) и обычаи. Таким образом, значимость гендера, с нашей точки зрения, определяется в большей степени его практическим структурным потенциалом, а не его отнесенностью к оппозиции между представителями мужского и женского полов. Те характеристики, которые Каролина Уолкер Бинум приписывает гендерно-отнесенным символам, могут относиться и к структурам гендерно-ориентированного дискурса и стратегиям убеждения. Она пишет: «Гендерно-отнесенные символы – это показатели, не только указывающие на мужскую или женскую сущность и представляющие осознание мужчинами или женщинами их принадлежности к определенному полу или их культурные представления о том, как быть мужчиной или женщиной. По своей сложной природе гендерно-отнесенные символы могут подтверждать или опровергать, поддерживать

или ставить под сомнение понятие гендера, а также, по своему основному значению, они могут и не иметь отношения к мужским или женским ролям» [Вупин 1986: 2].

В настоящей статье мы пытаемся доказать, что операционные модели гендерной идентификации в дискурсе могли бы появиться благодаря существованию признанных стереотипными мужских и женских ролей. Тем не менее эти модели выходят за рамки традиционной оппозиции по половому признаку. В этом смысле их продуктивность, как это ни парадоксально звучит, зависит от иллюзии отнесения того или иного объекта к определенному полу, которая возникает вновь и вновь благодаря самой, легко узнаваемой форме нарратива. При этом в самом тексте может и не содержаться прямых указаний на гендерную принадлежность того или иного объекта так же, как аудитория может напрямую не соотносить тот или иной объект с определенной гендерной категорией.

В когнитивном аспекте продуктивность моделей гендерной идентификации определяется действием ИКМ типичного мужчины и типичной женщины. Эти ИКМ уже глубоко укоренились в национальной культуре. Именно к ним и обращаются на подсознательном уровне, хотя в тексте может и не быть прямого обращения к таким идеальным когнитивным моделям. Обращение к этим ИКМ происходит благодаря интertextуальности, которая, в свою очередь, возникает тогда, когда концептуальная структура дискурса вызывает в памяти структуру типичного нарратива и воспринимается аудиторией именно как таковая. Л. Лейтон [Layton 1998] предлагает интересный и глубокий анализ проблемы гендера за рамками дифференциации по половому признаку.

С нашей точки зрения, необходимость проведения исследования нарратива именно в плоскости второго уровня обусловлена следующими причинами. Проведя сопоставительное исследование романов эпохи 1890 годов и современного американского политического дискурса, Эми Каплан приходит к выводу, что политический дискурс подвержен влиянию романа: «роман может обогащать культурное развитие, которое одновременно и раскрывает и скрывает государственную политику». В более общем ракурсе мы можем предположить, что связь романа и политического дискурса может выстраиваться и по противоположному принципу: в русле политического дискурса могут использоваться, пусть недостаточно эксплицитно, характерные для романа структуры для того, чтобы первый приобрел определенный эффект убеждения. Результативность обозначенной взаимосвязи зависит от успеха выбранной структуры нарратива как национально-идентифицирующего клише или мифа, существующего независимо от «множественности и разнородности [американских] форм идентификации» [Silver 2003: 181]. Именно поэтому нар-

ративные структуры, которые с определенной долей вероятности политические деятели могли бы использовать для формирования собственных дискурсов и которым следует уделить особое внимание, когда мы анализируем дискурс политиков, относятся к самым популярным беллетристическим жанрам, таким, как, например, жанр вестерна. Убедительная аргументация причин, в соответствии с которыми жанр «вестерн» считается ключевым в формировании и укреплении национальной идентичности, приведена в работе М. Силвера [Silver 2003].

Точнее, если вслед за М. Силвером [Silver 2003], мы будем рассматривать вестерн как жанр, формирующий миф о происхождении американской нации, а Шейна – как типичного героя вестерна (его парадигму) (*Прим. переводчика. «Шейн» (англ. Shane; 1949) — роман Джека Шефера (англ. Jack Schaefer) в жанре вестерн. Действие происходит в 1889 году. Главный герой по имени Шейн – перекачиполе и меткий стрелок, побывавший не в одной переделке, – приезжает в штат Вайоминг и поселяется на ферме Джо Старрета. Когда Старрет и другие фермеры оказываются под угрозой выселения, Шейн встает на их сторону и убивает главных виновников – Люка Флетчера и Старка Уилсона. После этого он навсегда покидает штат. В романе содержится намек на то, что в момент своего отъезда Шейн чувствует приближение своей смерти*), то связь между дискурсом и жанром позволит нам выявить следующий принцип, на котором строится как [политический. – Л. Ш.] дискурс, так и вестерн: «он [политический дискурс и вестерн – Л. Ш.] позволяет американской нации оживить в памяти легенду об ее происхождении и дает возможность типичному американцу узнать в благовоспитанном, но сильном герое самого себя – того, кто принимает участие в спасении Эдема от тех, кто может его погубить» [Silver 2003: 191].

Более того, не вдаваясь в подробности жанровых особенностей, Дж. Лакофф [Lakoff 1992] признает функционирование нарративных структур в политической аргументации и, объясняя закономерности функционирования американского политического дискурса, посвященного первой Войне в Заливе, ссылается на сказку о справедливой войне. В рамках данной статьи мы не собираемся подробно рассматривать сказку как один из литературных жанров, но вышеупомянутый пример является доказательством той связи, которую можно обнаружить между нарративными структурами и нашим более широким когнитивным подходом к интерпретации дискурса.

Анализ текста в когнитивном аспекте предполагает применение теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и другими учеными, занимающимися проблемами языка и мышления [Lakoff 2003; 1980; 1993;

Kovecses 2001, Steen 1999]. С формальной точки зрения мы понимаем метафору как «перенос свойств одной концептуальной области на другую [...] со сферы-источника [...] на сферу-мишень» [Lakoff 1993: 203-207]. Что касается определения понятия «метафора» в тексте, наша позиция в большей мере обусловлена концепцией Дж. Стина [Steen 1999], согласно которой трансформация языковой метафоры в концептуальную осуществляется в пять этапов: от выявления метафорического выражения к определению концептуальной модели метафорической проекции (таблица 1, левая часть).

В отличие от концепции Дж. Стина, которая в большей мере ориентирована на «объяснение тех **предпосылок**, которые позволили лингвистам выявить модели метафорической проекции на основе анализа метафорических выражений в дискурсе» [Steen 1999: 58], в центре нашей методики идентификации мы поместили непосредственно **дискурс**. Другими словами, вместо того, чтобы исследовать метафору, начиная с ее внешнего выражения – своеобразной периферии – и заканчивая ее концептуальной ядерной частью, мы изучаем то, как метафора работает в рамках самого дискурса и какой прагматический потенциал она получает благодаря дискурсивному окружению (таблица 1, правая часть). Для полного понимания методики текстуально анализа, см. наше предыдущее исследование [Ferrari 2007].

Таблица 1

Пятиэтапный порядок метафорического переноса (Дж. Стин)	Наш подход
1. Установление центра метафорической проекции	1. = 1 Установление центра метафорической проекции
2. Установление идеи метафорической проекции	2. ~ (2 и 3) Дополнительные концептуальные смыслы
3. Установление образного сравнения	
4. Установление образного сходства	3. Эмоциональная составляющая
5. Установление образной метафорической проекции	4. Макротекстуальные модели с учетом идеологической структуры и стратегии убеждения

В данном дискурсивном направлении основное внимание уделяется стратегии убеждения как ключевому дискурсивному элементу, и точнее, эмоциональной составляющей как важному дискурсивному признаку и средству убеждения. Чувство рождается из метафоры или взаимодействует с ней, формируя стратегии убеждения. Мы пытаемся доказать, что связь метафоры и эмоций обусловлена тем же принципом идеи концептуального воплощения, согласно которому происходит развитие концепции гендерной категоризации и идентификации на её основе.

Наши основные теоретические представления относительно трактовки понятия «эмоция» базируются на идеях таких лингвистов, как Э. Вейганд [Weigand 1996] и Д. Лаптон [Lupton

1998]. Они занимаются исследованиями значимости и роли эмотивных компонентов в коммуникации и разрабатывают перспективную социокультурную методику дискурсивного описания эмоций. С точки зрения возможных методов анализа риторики на формирование нашего подхода частично оказали влияние взгляды Д. Уолтона [Walton 1996]. Д. Уолтон [Walton 1996] изучает обращение к эмоциям в процессе убеждения, рассматривая примеры неформальной логики и анализируя те типы аргументов, которые традиционно относились к «уловкам». С прагматической точки зрения, наше видение эмоции сосредоточено на ней, скорее, как на средстве воздействия на аудиторию (и её способности быть спровоцированной аудиторией), чем на том, как она выражается в тексте, что, в свою очередь, подразумевает выявление эмоции и за рамками текста.

В практическом плане выявление определенной эмоции происходит гипотетически на основе двусторонней связи между «метафорой» и эмоцией. С одной стороны, метафоре как способу концептуализации эмоций отводится главное место, когда речь идет о передаче определенного эмоционального состояния. Эмоциональные концепты часто передаются метафорически как телесный опыт [Lakoff 1987: 14, 38]. В этом смысле метафора, призванная вызвать всплеск той или иной эмоции, имеет определенную значимость для стратегии убеждения. Однако, с другой стороны, метафора как признак аргументации и риторический прием определенным образом способствует вызову эмоционального отклика читателя. Подобный отклик обусловлен дополнительными понятийными смыслами или непосредственно вызван воображением, в зависимости от природы метафоры и контекстуального окружения. Представленное метафорическое выражение, имеющее четкую аргументативную структуру, оказывается способным вызывать эмоциональные реакции, например, в случае с «образными метафорами», т.е. «единичными» метафорами, репрезентирующими «перенос одного образа на другой» [Lakoff 1993: 229]. Совершенно очевидно, что для получения эмоционального отклика необходимости в дополнительных концептуальных смыслах нет.

Метафора и эмоции связаны не только по уже описанной нами причине. Существует и теоретическое обоснование их сходства. Оно связано с их общей способностью передавать опыт человека. Человеческий опыт ложится и в основу изучения гендера. Дж. Лакофф рассматривает эмпирические основы метафоры как пережитый опыт и определяет метафору как основное понятийное средство [Lakoff 1993, 1987, 2003]. На основании тезиса о том, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы действуем и мыслим, метафорична по самой своей сути» [Lakoff 2003: 3], он не только представляет «понятия [метафориче-

ски] структурированными», но и утверждает, что «понятийная структура является значимой по причине идеи концептуального воплощения, т.е. она возникает и связана с нашим телесным опытом, полученным в результате восприятия действительности» [Lakoff 1987: 287]. Другими словами, согласно концепции Дж. Лакоффа, метафора функционирует как основное понятийное средство, так как «закреплена в опыте» [Lakoff 1993: 240].

В рамках нашего теоретического обзора «эмоция» тоже связана с телесным опытом: «эмоциональные концепты находят материальное воплощение» [Lakoff 1987: 14]. Определение понятия «воплощение», предложенное Д. Лаптоном в русле социоконструктивистского подхода, кажется нам наиболее целесообразным [Lupton 1998]. Уходя в сторону от «основного» подхода, она переступает рамки когнитивной парадигмы, приписывая социокультурным процессам воздействие на наш телесный, сопряженный с эмоциями, опыт [1998: 32 – 33]. Согласно точке зрения Д. Лаптона [Lupton 1998] «наш проявленный опыт [следует рассматривать] как формирующийся посредством и через социокультурные процессы» [Lupton 1998: 32], и главная роль здесь принадлежит дискурсу как социокультурному феномену. В соответствии с когнитивной теорией, которая рассматривает «эмоциональные концепты [как] очевидные примеры абстрактных концептов, закрепленных в телесном опыте» [Lakoff 1987: 377, цит. по: Lupton 1998: 36], позиция Д. Лаптона во многом определяет дискурс как социокультурный фактор.

Именно это материальное воплощение, которое метафора обретает через образы эмоциональных состояний, позволяет осуществить переход от микротекстуального к макротекстуальному уровню анализа. Метафоры связаны с эмоциями не только в микро-, но и в макротексте. На уровне макротекста метафора занимает доминантную позицию в понятийной структуре (которая выступает идеологическим фундаментом) так же, как и эмоции преобладают в стратегии убеждения. Структура последних напоминает структуру первых, поскольку и эмоции, и метафоры обретают материальное выражение в форме типичной биполярной структуры. Это основное практическое положение, определяющее связь метафоры и эмоций, понятийной структуры и стратегий убеждения, лежит в основе и того продуктивного взаимодействия, которое наблюдается, когда дискурс находит отклик у аудитории. Данное продуктивное взаимодействие сопряжено с выражением как идентификацией и представляет собой эмпирическую базу для изучения категории гендера (которая уже по своему определению относится к понятию тела). Это становится следующим этапом в исследовании стратегии убеждения.

Категория гендера раскрывает смысл как стереотипных функций форм нарратива, кото-

рые согласно понятийному фрейму соотносятся со структурой дискурса, так и образов идентификации, столь зависимых от типа аудитории. Понятие ИКМ позволяет проанализировать данные явления через призму когнитивной теории. Дж. Лакофф [Lakoff 1987] ввел понятие «ИКМ» (идеализированная когнитивная модель) для того, чтобы объяснить сущность категоризации. По существу настоящая модель имеет сложную когнитивную структуру, обосновывающую общепринятые понятийные модели. Эта структура может быть представлена как «гештальт» [Sampson 2002: 499], и включает в себя четыре составляющих её компонента, соответственно отнесенных к следующим моделям: «пропозициональным», «образно-схематическим», «метафорическим», «метонимическим» [Sampson 1987: 113.4]. К пропозициональной модели относятся «вещества, их свойства и существующие между ними отношения». Дж. Лакофф приводит пример, в котором «пропозициональная модель, определяющая наши знания об огне, включает и наше осознание того, что огонь опасен» [Lakoff 1987: 113]. Второй тип модели – образно-схематическая, включает в себя «такие схематические образы, как траектория или длительный период времени, плоские и объемные формы» [там же]. Метафорические модели представляют собой «преобразования явлений одной понятийной области, относящихся к пропозициональной или образно-схематической модели, в соответствующие термины и структуры другой понятийной области» [там же: 114]. Описывая последнюю, метонимическую модель, мы обращаемся к толкованию, предложенному Дж. Сэмпсон, согласно которой «метонимия – это способность одной вещи заменять собой другую ради определенной цели; так, к метонимическим моделям относятся социальные стереотипы, типичные примеры, идеалы, образцы, генераторы, постмодели или яркие примеры» [Sampson 2002: 499]. Эти типы метонимических моделей, согласно Дж. Лакоффу [Lakoff 1987], порождают определенные прототипические эффекты. Прототипический эффект возникает тогда, когда определенные члены категории считаются «образцовыми, типичными и наиболее точно характеризующими данную категорию» по сравнению с другими. Так, например, категорию ПТИЦЫ наиболее точно репрезентируют малиновки, а не курицы, пингвины или страусы. «Характерные представители категории получили название “прототипических” членов данной категории» [Lakoff 1987: 41]. Главное, на что следует обратить особое внимание в данной ситуации, то, что социальные стереотипы, в рамках концепции об ИКМ, могут быть истолкованы как «типичные примеры» категоризации, несмотря на тот факт, что эти стереотипы не всегда обладают точными характеристиками всей категории [там же: 86]. Социаль-

ные стереотипы – «категории, функционирующие как стереотипы для других категорий. Понимание подобной категории требует осознания этой стереотипной роли» [там же]. Поэтому именно теория ИКМ оказывается способной предложить объяснение этому явлению и, кроме того, послужить ключом к пониманию процесса, при котором происходит становление и функционирование некоторых стереотипных мужских и женских понятий. Последние, однако, не всегда представляют собой характерный образец социального выражения. Выявить становление гендерных ИКМ нам поможет сравнение с известными нарративными структурами. Источник выражения гендерной категории определяет ее весомую позицию в стратегии убеждения. Изучение в корпусе языкового материала указателей на гендерную категоризацию позволяет нам говорить о необходимости исследования этого феномена в рамках описания стратегии убеждения. В таблице 2 приводится графическое представление нашей методики анализа:

Таблица 2 Методика анализа

Уровни дискурсивного анализа	Текстуальный признак / структура		Признак / стратегия убеждения
Микротекстуальный (подробный анализ)	Метафора (микротекст)	←→ воплощение	Эмоции (выраженные в тексте посредством метафорического моделирования)
Макротекстуальный (синтетический анализ)	Система концептов (идеологический фундамент) (макротекст) метафорически моделированный	←→ идентификация	Стратегия убеждения (макротекст) направленная на получение эмоциональных реакций
Уровень взаимодействия +нарратив (интертекстуальность, стереотипные роли) +гендер (идентифицирующие клише)	Структура дискурса Стереотипизированный нарратив – гендерные роли (интертекстуальность)	↑ американские мужские и женские ИКМ	Анализ, ориентированный на аудиторию Исследование дискурса (функционирование гендерно-идентифицирующего клише в дискурсе происходит через гендерные стереотипные р...

Основы анализа. В настоящей части нам предстоит показать, насколько интересно взаимодействуют обозначенные уровни анализа (когнитивный, нарративный и гендерный). Гендерная категория используется в структурах стереотипного нарратива, так как формирует концептуальный фрейм посредством когнитивных моделей.

Данные нашего более раннего исследования [Ferrari 2007a] свидетельствуют о том, что при метафорическом описании событий 11 сентября наиболее часто используется «фрейм

конфликта», который также составляет ключевую идеологическую основу для ведения аргументационной стратегии, поддерживающей войну.

В терминах когнитивной лингвистики мы определяем «фрейм конфликта» как концептуальную модель, обладающую двумя противоположными сторонами. Типичный сценарий конфликта в сказке [Lakoff 1992: 466] описывает две качественно неравные между собой стороны: героя, который может быть или не быть жертвой, и которому предстоит сражаться со злодеем. Последний же – враг по определению. Подобная диспропорция представляет собой иерархический дуализм, способный в дальнейшем приводить к радикальности и появлению так называемого «манихейского фрейма». «Манихейский фрейм» как крайняя степень «фрейма конфликта» за присущее ему своеобразие и частотность проявления в нашей выборке может считаться доминантным в процессе метафорического моделирования дискурса Дж. Буша. В крупном исследовательском проекте (см. «Метафора в действии: стратегия убеждения Дж. Буша (мл.)», канд. диссертация, неопубликованная рукопись), Манихейская теория рассматривается как макро-метафора, необходимая для описания полученных в результате исследования выводов. Это именно тот случай, когда происходит обращение к вечному противостоянию Добра и Зла. «Низший» онтологический статус всего того, что совпадает со Злом (рассматривается оппозиция: Добро – это Верх, Зло – это Низ), определяет ряд концептуальных смыслов, обнаруживаемых в определениях «безопасности» и «справедливости». Например, «Творить меньше зла во имя добра – справедливо» [Lakoff 2004].

Фрейм конфликта, представленный в нашем предыдущем исследовании как идеологический фундамент дискурса Дж. Буша, в своем развитии сочетается с базисной стратегией убеждения и характеризуется присущей всему дискурсу Дж. Буша линией страха. «Линия страха» понимается нами как средство убеждения, стратегическое воздействие которого осуществляется с помощью оппозиции двух противопоставленных эмоций: страха и веры. Эта оппозиция соотносится со структурой двух противоположных пространств, представленных в дискурсе: внутреннего пространства как пространства веры и внешнего пространства как пространства страха. Другими словами, пространство веры и пространство страха метафорически соотносятся с позицией «внутри страны» и «за ее пределами», что способствует достижению целей убеждения [подр. описание стратегии эмоционального убеждения: Ferrari 2007a].

Гендерный подход позволяет нам утверждать, что роли, функционирующие во фрейме конфликта, не являются нейтральными, а имеют стереотипные гендерные характеристики,

которые были сформированы, выражены и закреплены в традиционных формах нарратива. В соответствии с традиционной структурой романтических произведений в романах XIX века так же, как и в распространенных киножанрах, одним из которых можно считать вестерн, нам следует учитывать не только то, что образ жертвы может совпадать с образом героя, а образ врага, как правило, основан на архетипе злодея, но и то обстоятельство, что герой и жертва могут иметь между собой существенную разницу, которая проявляется на операционном уровне. Подобное различие существует, несмотря на их значительное сходство, и обусловлено гендерно-структурной оппозицией.

Анализируя романтические произведения периода 1890 годов, Э. Каплан пишет: «мужество романтического героя находит свое отражение в гораздо более сложных формах, чем то самонадеянное неистовство, которое присуще бравому рубаке и которого мы неосознанно ждем от героя. Повествование с мотивами благородного спасения заставляет героя зависеть от собственных поступков, будь это освобождение или покорение страстно того желающей героини, сложной фигуры – субъекта и объекта высшей власти» [Kaplan 1990: 659].

С довольно большой долей вероятности можно предположить, что нарративная структура, пронизывающая весь дискурс Дж. Буша, в значительной степени обусловлена господством мужского англо-саксонского образа, что так присуще жанру вестерна. Вместе с тем возникает и женский образ, призванный занять позицию жертвы и должное место в оппозиции мужскому образу.

Не вдаваясь в подробности описания эпического жанра, мы считаем, что в большинстве традиционных западных нравоучительных повествований позиция жертвы, в случае ее представленности, в основном отдается женскому персонажу, а позиция героя обычно занимает мужским. Даже когда это не совсем так, эта закономерность не нарушается, поскольку случаи исключения из этого правила составляют женские образы, наделенные мужскими характеристиками (данная категория соотносится с прототипом Жанны Д'Арк), которые в терминах психоанализа можно назвать фаллическими. Функционирование особенностей, характерных для гендерных категорий, в стратегии убеждения обусловлено процессом идентификации, который неизбежным образом связывает читателя и произведение художественной литературы, общество и дискурс, аудиторию и речь. Вполне очевидно, что случай обращения к привычной композиционной структуре нарратива отвечает требованиям «необходимости присутствия чего-то старого и хорошо знакомого», которые заставляют аудиторию почувствовать «магию постоянства» [Schein; цит. по: Silver 2003: 182]. Иными словами, успех процесса идентификации также зависит от спо-

совов установления мифа национальной идентификации. Данный процесс в качестве экспериментальной базы исследования может анализироваться в рамках когнитивистики с позиции метафорического моделирования реальной действительности.

Следующим нашим размышлением выступает то, что и позиции пространства, определяемые линией страха, относятся к обыденной структуре западного повествовательного произведения, в котором сохраняется «иллюзия как всегда возникшего извне зла» [Silver 2003: 191]. Более того, в свете гендерной категоризации, они не нейтральны. Роли, отнесенные структурой нарратива к внутреннему или внешнему пространству, так же, как и сама идея внутренней и внешней позиции, сопряжены с категориями гендера.

Значимость применения этого подхода к разработке вопросов национальной идентичности заключается в получении результатов, которые напрямую связаны с изучением эмоциональной составляющей дискурса. Согласно мнению Эми Каплан [1990]: «на протяжении долгого времени история Америки наблюдала глубокую связь национальной принадлежности и мужественности в процессе расширения территориальных границ» [Kaplan 1990: 661]. «Связь мужественности и национальности», которую на материале романтических произведений описала Э. Каплан [1990], негласным образом составляет основу политической стратегии формирования своего рода империи в США в 1980-х годах и кажется довольно сходной с теми особенностями, которые призваны подсознательно воздействовать на нас в дискурсе Дж. Буша, и чертами, которые мы наметим в нашем анализе.

В свете гендерного анализа уже установленная нами линия страха в дальнейшем несёт более мощную эмоциональную нагрузку и, следовательно, приводит к эмоциональному всплеску. Наш анализ свидетельствует о том, что аргументацией в пользу проведения превентивной войны выступает идея сохранения индивидуальной идеализированной модели гражданина страны, которым гордятся, совместно с идеей защиты внутреннего идеализированного пространства (государства) от внешней угрозы (страха).

Рассматривая существование женской фигуры в структуре фрейма, на данном этапе нам предстоит выяснить роль женского образа на фоне соотношения национальности и мужественности. Каким образом и насколько ярко наблюдается проявление женского начала в анализируемом дискурсе? Остановимся на этих вопросах подробнее.

Анализ. Предваряющим этапом исследования дискурса Дж. Буша в рамках представленной нами методики, послужит обзор некоторых гендерных указателей в «корпусе Буша»

(«Корпус Буша» содержит речи Дж. Буша (176), зафиксированные за 4 года, в период с января 2001 по январь 2004, и классифицированные нами по типу трех жанровых принадлежностей: Инаугурационное обращение и ежегодное послание президента США Конгрессу «О положении в стране» (ОК), Обращения к нации (ОН) и Радио обращения (РО).). Мы обратимся к личным местоимениям в именительном и косвенном падежах, а также к притяжательным местоимениям.

Первые наблюдения показывают, что частотность употребления местоимений «она» и «её» довольно низкая (зарегистрировано 27 случаев употребления местоимения «её» и 31 случай употребления местоимения «она»). Проанализировав все случаи употребления, мы зафиксировали лишь по одному примеру на каждое местоимение, когда, употребляя «она» и «её», Дж. Буш имел в виду не взятый в отдельности женский образ, а американскую нацию в целом.

4: *Отстоим нашу свободу. Мы принесем свободу другим и восторжествуем. Да благословит Господь нашу страну и всех, кто ее защищает. END 10:20 P.M. EST (ОН 030319).*

18: *Мы по-прежнему верим в патриотизм. Мы любим нашу страну, и начинаем любить сильнее, когда она находится под угрозой. Америка – самая многонациональная в мире. Yet (РО 020706).*

Частотность проявления местоимений мужского рода, таких, как «его / свой», «ему» и «он», напротив, возрастает (94 случая употребления местоимения «его», 22 – «ему» и 128 – «он»). Однако мы не зарегистрировали ни одного случая, когда бы эти местоимения соотносились со сферой-мишенью «нация».

Любопытным оказалось то обстоятельство, что местоимения мужского рода и существительные, так или иначе обозначающие составляющие государственной, национальной системы, связаны между собой семантическими отношениями обладания. Страна выступает не как активный исполнитель действия, а лишь как вещь, которой можно обладать. Рассмотрим следующие примеры:

84: *Он пообещал ООН предоставить инспекторам по оружию неограниченный доступ в свою страну. Мы и раньше слышали подобные обещания, и они были ... (РО 021116).*

9: *... признаем, что он обладал химическим и биологическим оружием, и в прошлом он использовал химическое оружие. Секретная служба (разведка) (РО 030621).*

Принимая лексическое наблюдение, описанное выше, как отправной пункт в проводимом исследовании, далее мы попытаемся представить в рамках «идеализированной когнитивной модели» или ИКМ [Lakoff 1987] стратегии убеждения Дж. Буша то, как противопоставляется концепт «типичная женщина» кон-

цепту «типичный мужчина», несмотря на низкую частотность указателей женского рода и лексических фактов, подтверждающих наличие женского начала. Более того, нам предстоит выяснить, как данное явление соотносится и с ранее укоренившейся национально-культурной спецификой нарратива, и с моделью, пропагандирующей национальную принадлежность и утверждающей национальную идентичность. Методика проведения анализа обусловлена ранее описанной процедурой и данными, полученными в результате нашего предыдущего исследования [Ferrari 2007 a].

Данные нашего более раннего исследования, полученные в результате анализа дискурса Дж. Буша (2001 – 2004) [Ferrari, 2007a], свидетельствуют о том, что при метафорическом описании событий 11 сентября особенно часто вводится «фрейм конфликта», который также составляет ключевую идеологическую основу для ведения аргументационной стратегии, оправдывающей войну. Такие эмоциональные понятия, как «гнев», «вера», «гордость» и «презрение» имеют метафорическую репрезентацию. Постоянное обращение к подобным эмоциональным реакциям составляет макротекстуальную основу фрейма конфликта. Именно «эмоция гнева» выступает осевой, базисной в становлении фрейма конфликта. Обращение к «вере», в свою очередь, предстает значимым с двух точек зрения: во-первых, нравственных позиций, которые служат условиями появления фрейма конфликта, и, во-вторых, оправдания и легализации действий США. Во фрейме конфликта, а именно в оппозиции «мы против них», «гордость» служит для американцев положительной чертой национальной идентичности. Эмоция «презрение» во фрейме конфликта связана с отрицательным представлением врага.

Особое внимание следует уделить рассмотрению эмоционального понятия «гордость» как ключевого положения, определяющего национальную идентичность и как первозначимую эмоцию, определяющую фрейм конфликта в плоскости гендерного описания. Как показывает наш систематический текстуальный анализ (передать который полностью не представляется возможным в силу ограниченности места), такие более или менее соотношенные с национальностью понятия, как «свобода», «(наша) страна», «родина», «нация», в отдельности или вместе занимают позицию героя или жертвы. Наряду с этим, позиция «злодея» всегда отводится врагу – терроризму, в различных его видах: террористам, террористическим организациям, подобно Аль-Каиде и лидерам, например, Саддаму Хуссейну. Согласно структуре действующей стратегии убеждения, ИКМ мужчин и женщин имеют непосредственное отношение к эмоциональному проявлению гордости. Таким образом, ИКМ АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОЙ МУЖСКОГО ПОЛА фигурирует каждый раз, когда

американцев призывают «сохранить американские ценности» (ОН 010920):

1) *Я призываю вас сохранить (uphold) американские ценности и помнить, почему многие из вас приехали сюда. Мы сражаемся за наши принципы, жить согласно которым – наша первая обязанность. (ОН 010920, [курсив мой. – Ф. Ф.]*

Чтобы это доказать, давайте последовательно выполним все этапы нашей методики анализа стратегии убеждения, построенной на метафоризации. В первую очередь, мы обозначили глагол *to uphold* – «сохранять, поддерживать, удерживать на должном уровне» как ядро метафорического выражения «сохранять американские ценности». Так мы получаем ориентационную метафору (ХОРОШЕЕ ВВЕРХУ, ПЛОХОЕ ВНИЗУ и ДОБРОДЕТЕЛЬ ВВЕРХУ, ПОРОК ВНИЗУ [см. Lakoff 2003: 16]), хотя стоит учесть и физический аспект или аспект «телесности». В данном примере американские ценности представлены как высокие ценности (оппозиция «верх – низ»), а глагол *to uphold* интерпретируется с точки зрения физического (телесного) смысла не только как *сохранять, поддерживать*, но и как *поднимать (вверх)*. Как разновидность хорошо известных моделей таких структурных метафор, как ТЕОРИИ – ЭТО ЗДАНИЕ [Lakoff 2003: 46] или ЗДАНИЕ – ЭТО ХРАМ [Lakoff 2001] в нашем случае метафорическая проекция представлена в рамках следующих моделей: ДОБРОДЕТЕЛЬ – ЭТО СТРОЕНИЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬ – ЭТО ХРАМ.

Аспект «телесности» актуализирован и во втором метафорическом выражении: «мы в борьбе за наши принципы (мы сражаемся за наши принципы)». Понятие «борьба» как источник «метафоры борьбы» имплицитно фрейм конфликта, который в данном примере вполне логично передается через концептуальную метафору физической борьбы. Данные метафорические выражения, рассматриваемые нами как векторы аргументации всего предложения, вносят следующие концептуальные смыслы: жизнь согласно «высоким (моральным) принципам» (первая метафора) требует от американцев быть хорошими людьми, что означает нести ответственность и, следовательно, поддерживать национальные ценности и свою нацию. Физический аспект, который также присутствует в данном контексте, подразумевает силу (выносливость) американцев, чтобы быть способными «сохранить, поддержать, удержать на должном уровне» свои ценности (идея всемогущества). Таким образом, «гордость» и «честь» выступают той эмоциональной реакцией, которую и должно было вызвать разбираемое предложение.

Концептуализация действительности посредством метафоризации осуществляется благодаря процессу идентификации. В большинстве случаев идентификация происходит по мужскому сценарию, что обусловлено наличи-

ем у мужчин характерных для них признаков силы, и самой моделью борьбы (достаточно вспомнить её прототип, и мы непременно увидим двух персонажей мужского пола с мечом или пистолетом или двух борцов, которые сошлись в поединке). Тот, кто «сражается или борется за наши ценности», становится идеальной когнитивной моделью ведущего борьбу героя, солдата, морально и физически стойкого мужчины. С эмоциональной точки зрения в данном конкретном примере дискурс призван вызвать гордость как то чувство, которое должно возникнуть, когда слушатель безошибочно узнает присутствие мужского начала (которое противопоставлено женскому началу, несмотря на то, что оппозиция здесь выражена не очень ярко). Другими словами, метафорические концепты вместе с эмоциональным откликом, который вызывают формы аргументации, позволяют президенту взывать к чувству национальной гордости (мужскому началу), ощущение которого косвенно усиливает чувство принадлежности и приверженность нации (женское начало). Подобный исход наблюдается благодаря обращению к укоренившемуся национально-культурному образу героя, идентификация которого сводится к такому исключительно мужскому представлению, как всемогущий герой в центре героических действий.

Любопытным может показаться то, что ИКМ американского героя не только выступает как идеализированная модель для граждан Америки, укрепляющая чувство гордости и усиливающая дух национальной принадлежности, но она также переносится на самого президента всякий раз, когда он представляет себя в образе спасителя. Ранее проведенное исследование стиля Дж. Буша позволяет отметить среди основных его характеристик так называемую двойственность занимаемой им во время выступлений позиции (внешнюю как позицию наблюдателя и внутреннюю как позицию обращающегося к аудитории). Подобное двойное позиционирование имеет особую значимость, так как собственный двойной образ президента одновременно позволяет ему быть обычным гражданином своей страны (один из всех, равный другим в обществе) и героем (отличный от других, вне общества, непохожий, исключительный).

ИКМ американского героя, прототипическим образом которой служит мужчина, используется и в более прозрачных призывах к американцам защищать нацию в том «действии», которое означает военные действия. Последние же уже спланированы и изображаются как ближайшее будущее.

2) «Приближается час, когда Америка начнет действовать, и вы сделаете все, чтобы мы вами гордились». (ОН 010920).

В данном случае функционирующая ИКМ героя вновь является типично мужской (растущее в настоящее время число солдат женского

пола – это изменение привычного стандарта). Герой мужского пола предстает как воплощение, протагонист «американской миссии», мститель за ту «рану», которую нанесли американской нации. В то же время он же выступает и как избавитель той части мира, которая стремится «быть цивилизованной», и «примкнуть к американской стороне».

Вернемся к дискурсу Дж. Буша. Преобладание в этом дискурсе мужских доминант не означает, что он оказывает влияние только на мужскую часть аудитории. До тех пор, пока убеждение сопряжено с процессом идентификации, женский образ появляется в позиции, соответствующей позиции жертвы.

В следующем примере параллельно с понятием «свобода» в предложение введено сочетание трех метафорических моделей: страна, как спящий человек, «разбужена угрозой опасности», т.е. угроза подвергается олицетворению. Далее: страна призвана защитить «свободу», которая изображена как уязвимое создание.

3) Сегодня вечером мы – страна, которая проснулась, чтобы взглянуть в глаза угрозе и отстоять свободу. (010920).

Из анализа вышеприведенной ситуации мы получили следующее: *страна – это спящий человек / солдат, опасность – это нарушитель спокойствия, мирного существования, свобода – это человек, которого необходимо защищать, подобно ребенку или женщине*. Следовательно, позиция жертвы требует появления женского образа, которой служит оппозицией мужскому персонажу как объект, ради которого совершаются героические поступки. С точки зрения стратегии убеждения симметричное присутствие женской фигуры обуславливает эффективность воздействия мужской модели идентификации на женскую часть аудитории. Более того, обращаясь к вопросу национальной принадлежности, стоит упомянуть, что женский образ усиливает эмоциональную реакцию при обращении к чувствам национальной гордости и принадлежности, так как является источником метонимического переноса в представлении национальной идентичности. Наш пример служит явным тому подтверждением. Идея национальной принадлежности проявляется с двух сторон: со стороны активной мужской позиции спасителя, где страна (как солдат) пробудилась, чтобы защищать, и со стороны пассивной женской позиции или позиции атакуемой жертвы – «свободы», которая определяется как «высшая ценность Америки» и является метонимией понятия «американская нация».

Олицетворение «свободы» фигурирует и в отрывке, приведенном ниже, но теперь она не принимает пассивную позицию жертвы. Организаторы террористического акта 11 сентября названы «врагами свободы». Это дает прием генерализации, который в точности совпадает с тем духом риторики абсолютизма, где всегда

присутствует противостояние добра и зла. При этом добро символизирует свободу – высшее благо для американцев, которое находится «под угрозой». В результате олицетворения «свободы» мы получаем яркий пример симметричного функционирования гендерных категорий. Приём олицетворения свободы, помимо образа жертвы, расширяет границы других составляющих контекста. Так, в качестве возможных вариантов метонимических связей понятие «свобода» может замещать понятие «страна». Этот приём позволяет «свободе» занимать мужскую активную позицию исполнителя действия. В то же время «свобода» воплощает в себе высшую ценность Америки, таким образом выступая в качестве метонимии и выполняя женскую пассивную роль объекта действия:

4) *11 сентября враги свободы совершили военные действия, направленные против нашей страны. Американцы познали войны, но за последние 136 лет они воевали на чужой земле, кроме одного воскресенья 1941 года. Американцы познали катастрофы войны, но не в центре великого города в одно мирное утро. Американцы познали непредвиденные нападения, но никогда эти нападения не уносили жизни тысяч наших граждан. Все это случилось с нами в один день, а ночь наступила уже в другом мире – в мире, где сама свобода находится под угрозой. (010920).*

Разнообразные признаки проекции «свободы» (свобода – это жертва, свобода – это наша страна, свобода – это добро), приобретённые поочерёдно в зависимости от контекстуальной реализации и, следовательно, ведущие к олицетворению понятия «свобода», свидетельствуют о сложности и автономности данного феномена. В выражении «сама свобода находится под угрозой» «свобода» представлена как жертва нападений (т.е. сама Америка или ДОБРО в целом). Вследствие этого и речи нет о множественности способов обозначения нападающих на уровне концептуального фрейма – они лишь «враги свободы». «Враги» определяются как вторая составляющая фрейма конфликта, идеологическая сущность которого уже задана в дискурсе и его предполагаемом восприятии [См. также: Ferrari, 2007b] *Враги свободы*, противопоставленные «олицетворенной свободе», характеризуются как *нападающие (в противопоставление жертве), вне нашей страны (в отличие от нашей страны) и как зло (в противопоставлении добру)*. На основе описанной оппозиционной структуры проявляется идеологический сценарий конфликта, согласно которому ранее существующее разделение мира сводится к наличию в нем двух полюсов: за или против свободы / Америки. С этих же позиций можно проанализировать конструкцию «военные действия» (*конфликт – это война*), объясняющую то, что случилось. Данная соче-таемость подразумевает то, что Америка, пострадав не только от нападения, но и от факта

объявления войны, имеет право на оборонительный ход как проявление самозащиты.

В том случае, когда в развитии концепта «свобода» происходит колебание между пассивной позицией жертвы (представляющей нацию объектом любви) и активной позицией олицетворенного существа (воплощающей нацию как форму жизни и активного участника, находящегося в оппозиции к злу), позицию жертвы занимает «государственность», одновременно понимаемая как «Родина».

5) *Многие люди прилагают большие усилия, чтобы защитить Америку. Но, в конце концов, лучшим способом защитить нашу родину, лучшим способом быть уверенными в том, что наши дети могут жить в мирных условиях, является ведение сражения против врага, чтобы остановить его.*

Таким образом, «Родина» репрезентирует внутреннее пространство, которое необходимо защищать от внешних вмешательств.

Далее нам предстоит показать, каким образом можно рассматривать соотношение государственности и внутреннего пространства в свете гендерной концепции. В приведенном выше контексте «Родина» занимает женскую позицию, т.е. позицию, принадлежащую жертве, которую необходимо спасти. Она выступает как «героиня», как объект героических действий героя, направленных на её спасение.

Таким образом, женская фигура предстает как часть дискурса национальной защиты (в выражении «защищать американскую свободу») и дискурса национальной принадлежности («наша родина»), укрепляя принципы национальной идентичности (в выражении «мы – американцы»).

С аналитической точки зрения следует прокомментировать, как фрейм конфликта, составляющий идеологическую основу дискурса, может соотноситься с «линией страха» – значимой чертой стратегии убеждения. Этот эффект достигается с помощью употребления пространственных метафор, вызывающих эмоциональные реакции «страха» и «веры». Основанием для появления *линии страха* становится введение в дискурс оппозиции двух прямо противоположных пространственных категорий, построенной по аналогии с оппозицией двух эмоций. Так, «внешнее пространство» (точка «страха») ассоциируется с опасностью и угрозой при приближении врага, а «внутреннее пространство» (точка «веры») представляет спокойствие и идеал совершенства. Как показывает большинство фильмов ужасов, достигнуть максимального эмоционального эффекта можно при помощи нарушения равновесия между двумя противоположными пространствами (по терминологии Дж. Чартерис-Блэка: «глубины проникновения в контейнерное (замкнутое) пространство» [Charteris-Black 2006: 576]. В подобных фильмах мы можем наблюдать неожиданное появление «монстра» на территории

спокойствия (т.е. «страх» врывается в пространство «веры»). Мы считаем, что концептуальный фрейм, который лежит в основе подобной стратегии убеждения и одновременно и передается через нее (фрейм конфликта + линия страха), также получает дополнительные смыслы благодаря гендерным ИКМ.

Мы видим две причины того, что внутреннее пространство, появляющееся под влиянием чувства национальной принадлежности и как необходимая составляющая линии страха, вынуждено занимать женскую позицию. Во-первых, пространственные метафоры согласуются со «схемой контейнера», предложенной П. Чилтоном [Chilton 1996]. Согласно его взглядам, «то, что внутри – близко, дорого человеку, а то, что снаружи одновременно находится вне закона» [цит. по: Charteris-Black 2006: 575] (подобное обстоятельство усиливает эффективность линии страха, применяемой параллельно с напоминаниями о террористических угрозах). Самым главным в концепции П. Чилтона ставится утверждение о том, что «с помощью пространственной схемы контейнера своя собственная страна (родина) концептуализируется как закрытый контейнер, который можно запечатать и вскрыть» [Chilton 2004: 118]. Если интерпретировать схему контейнера с элементарных фаллических позиций психоанализа, то страна воспринимается как закрытый контейнер и занимает нефаллическую позицию, т.е. ИКМ типичной женской роли налицо. К тому же для американцев образ родины выступает образом матери, который вновь относит нас к типичной позиции женщины, хотя и не исключает возможности появления мужского образа в нефаллической позиции или в материнской роли. Вследствие этого гендерная категоризация применима и к структуре линии страха, в которой она четко выражает возможности вторжения, проникновения во внутреннее целостное пространство государства извне (несколько иначе понимается идея завоевания нетронутых, девственных земель, они воспринимаются как еще неизведанное пространство, которое необходимо покорить). Доказательством тому служат примеры, в которых опасность передается в терминах нарушителя спокойствия.

Оставляя в стороне внешнее пространство и типичные черты угрозы, обратимся теперь к уровню внутреннего пространства и посмотрим, как на основе метафорического фундамента проявляются категории «женщина» и «мужчина», как они развиваются, вводят новые черты в стратегию убеждения и становятся интересным объектом исследования. Контекст (6) дает пример образной речи, цель которой – показать настоятельную необходимость защиты и обратиться к гражданам с призывом о помощи. Здесь вступают в действие метонимический перенос по типу ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО и онтологическая метафора. Во-первых, мы име-

ем дело с человеческими органами чувств, выступающими как метонимия бдительности: «глаза» и «уши». Во-вторых, согласно формальной структуре предложения, «защита» подается как «контейнер» [Lakoff 2003: 29]. Защита принимает статус вместилища, способного увеличиваться за счет участия каждого гражданина страны. Ценность каждого «вашего» вклада как гражданина страны определена с помощью «метонимии глаз и ушей», т.е. выделения человеческих чувств, обостряющих человеческую бдительность. В этой прямой просьбе, непосредственном обращении к слушателю заложены такие дополнительные эмотивные смыслы, как гордость и честность.

6) *Будьте бдительны: для защиты нашей родины нужны ваши глаза и уши.*

Родина рассматривается с позиции пассивной жертвы, нуждающейся в защите, позицию стереотипического представления женской добродетели. В то же время неизбежно должен появиться и мужской персонаж, который будет олицетворять собой «защиту», ради которой «вы» как «защитник» вашей собственной «родины» и как «покровитель» её безопасности обязаны наострить «свои глаза и уши».

В ракурсе эмоциональной составляющей онтология позиции жертвы как пассивного, характерно-женского, нефаллического положения определяет ряд характерных черт, присущих женщине как ИКМ и сфере-источнику метафорического моделирования. Среди таких черт следует назвать: ценность женской добродетели, уязвимость и пассивность (инертность). В рамках стратегии убеждения первая черта связана с национальной идентичностью и ассоциирующимися с ней ценностными принципами и взывает к чувству национальной гордости. Вторая черта относится к понятию государственности посредством онтологической перспективы и влечет за собой необходимость предоставления защиты. Третья черта, дополняя первые две, укрепляет аргумент о необходимости ведения превентивной войны.

Другими словами, если исходить из нашей гипотезы о гендерно-ориентированном нарративе, то категория гендера функционирует в стратегии убеждения следующим образом. Если применительно к настоящей ситуации ориентироваться на выстроенный в дискурсе фрейм конфликта и принять во внимание аргумент оправдания ведения войны во имя ликвидации внешней угрозы и сохранения единого государства и жизни в нем, то настойчивость и принятие конкретных действенных мер будут восприняты не только как необходимые, а как единственно возможные способы защиты нашей собственной национальной идентичности (аргумент линии страха), и одновременно как обязательные условия индивидуально-личностной идентичности таких граждан, которыми могла бы гордиться страна (аргумент гендерной категоризации).

Иными словами, аргумент «линия страха» оправдывает ведение превентивной войны ввиду того, что «страх» распознается как внешняя угроза, которая требует немедленного реагирования либо в силу своей онтологической природы (терроризм – это болезнь или сорняк), либо по причине стремительной динамики своего развития (терроризм как персонифицированная угроза, способная ворваться в страну).

7) *Мы предпочитаем незамедлительно обнаружить такую угрозу, места, где она зарождается, прежде чем она внезапно наступит нас с неба или в городах. (ОН 030317, [курсив мой. – Ф.Ф.]).*

Приведенная выше ситуация служит доказательством того, что благодаря олицетворению и «пространственному разделению» «угроза» становится тем, что может появиться внезапно и нависнуть над нами (подобно атомной бомбе). Подобное представление призвано вызвать у аудитории эмоциональные реакции страха и ужаса. Такая концептуализация страха служит еще одним веским аргументом в оправдание ведения «превентивной войны» («защита лучше ликвидации последствий»).

Следующим, более завуалированным аргументом в оправдание ведения «превентивной войны», выдвигаемым той самой линией страха, обусловленной концептуальным фреймом дискурса, служит именно тот, что основан на гендерной категоризации. Другими словами, государственность подается в метафорах женской ИКМ («родина» – это женщина, «нуждающаяся в защите»). Это призвано вызвать чувство гордости и «принять бой» как «лучший способ защитить родину». Проведя подобный разбор, обратимся еще раз к примеру (5) и проследим за взаимодействием метафор и категорий:

5) *Многие люди прилагают большие усилия, чтобы защитить Америку. Но, в конце концов, лучшим способом защитить нашу родину, лучшим способом быть уверенными в том, что наши дети могут жить в мирных условиях, является ведение сражения против врага, чтобы остановить его.*

«Ведение войны» имплицитно несет такие смыслы, как: быть достойными носить звание граждан своей страны, быть способными стать «героями» (действующими лицами) в героических действиях, одним словом, воспользоваться всеми возможностями, чтобы показать себя «настоящими мужчинами» по отношению к своей стране. Данный гендерный способ идентификации также способствует осознанию необходимости ведения превентивной войны.

Гендерный способ идентификации, однако, не подразумевает воздействие только на определенную часть аудитории. Благодаря данной гендерной ИКМ не только мужская часть аудитории узнает себя как адресата обращения. Это происходит с каждым из слушателей, когда под влиянием описываемых стратегий он ощущает себя второй половинкой нации. Данный тезис

находит своё подтверждение, или, по крайней мере, соответствует концепции Вернера Соллорса [Sollors 1986], в которой проблема национальной принадлежности и национальной преданности рассматривается в свете оппозиции «принятия» и «отвержения» [там же: 146]. Американская идентичность проявляется, скорее, как то, что каждый выбирает для себя сам, как то, частью чего он хочет быть в отличие от того, что «приписано ему от рождения». Американская идентичность призывает граждан относиться к своей нации с позиции «одного из супругов», а не с позиции, относительно которой нация выступает «родителем» по отношению к своим гражданам. Следовательно, «сфера отвержения сама по себе подвержена перерождению в сферу принятия. Она обусловлена культурой и пониманием, и [что наиболее значимо здесь. – Ф.Ф.] у нее появляются мужской и женский полюсы» [там же: 165]. Подробное описание понятий «принятие» и «отвержение» представлено в работе Вернера Соллорса [Sollors 1986]. Часть идей Вернер Соллорс заимствует у Дэвида Шнайдера [Schneider 1980].

Вновь обращаясь к описанию отличительных черт и особенностей функционирования дискурса Дж. Буша, отметим, что в позиции американской женщины, т.е. в нефаллической, пассивной, типично женской роли, выступают определенные составляющие понятия «государственность». На уровне текста это имеет следующее выражение: женская позиция – это чувство национальной принадлежности, которое можно испытывать, но которое само по себе не является исполнителем действия, а выступает в синтаксической роли дополнения или семантической функции объекта действия. Его дополняет мужская активная позиция национальной идентификации. При соотношении с национальным стереотипом героя появляется и исполнитель действия в лице американца, президента и т.д. На уровне конкретных фигур речи мы наблюдаем прием метонимии для передачи пассивной линии понятия «государственность» и прием метафоризации и метафорического олицетворения для передачи активной линии. Эта активная линия создает образ деятельного существа, которому угрожает зло на его собственном жизненном пространстве. Две линии – активная и пассивная – формируют оппозицию.

Заключение. Проведенный анализ показывает, насколько важным и необходимым в изучении концептуальных фреймов стратегии убеждения является гендерный подход. Его значимость по отношению к стратегии убеждения заложена в процессе концептуального воплощения, который связан с идеей идентификации как фундаментального действующего принципа убеждения. Как в методологическом, так и в теоретическом аспектах результаты анализа свидетельствуют о том, что гендерные категории зависят не только от прямой половой принадлежности и могут относиться и к более широкому

кругу лиц и объектов. Это формирует структуру дискурса, обеспечивает его аргументативную силу и обуславливает наличие в нем таких элементов, которые, с одной стороны, противопоставлены друг другу, а с другой – дополняют друг друга. В этом отношении гендерные категории способствуют развитию конфликтной тематики. Так, подобные парные оппозиции, как внутренний – внешний, пассивный – активный, объект – субъект, в конечном счете, сочетаются с символическими функциями, которые выполняют женские и мужские образы. Ради укоренения принципов национальной идентичности женский образ выступает объектом в дискурсе о национальной защите, национальной принадлежности. Условия возникновения идентификации в практическом плане зависят от выразительности форм нарратива, которые выполняют роль деликатных интертекстуальных линий (здесь рассматривается композиционная структура дискурса), а также от стереотипов идентификации наряду с легендами о национальной принадлежности (здесь имеется в виду восприятие дискурса аудиторией).

Как показывают результаты проведенного анализа, форма нарратива, которая присуща дискурсу Дж. Буша и воздействует на уровень подсознания, соотносится с манихейской структурой, послужившей своего рода прародителем, а также имеет связь со структурой укоренившихся в национальной культуре и получивших широкое распространение форм нарратива, одной из которых можно считать вестерн.

Позиция, занимаемая американским президентом во время его выступлений, характеризуется двойственностью или амбивалентностью, согласно чему, американский президент предстает и как типичный американский гражданин, и как человек иного сорта. Данное обстоятельство отражает двойственность позиции героя, которую могут занять и американские граждане, и президент как спаситель своей страны. Подобная амбивалентность поистине ставит президента в позицию героя – того, от которого зависит спасение «(райского) сада» – страны, но чье пребывание на этой территории носит временный, ограниченный характер: этот самый герой однажды уйдет и, в конце концов, исчезнет. Именно такая парадоксальная амбивалентность, существование между внутренней и внешней позициями, соотносит такого героя со Спасителем. Подобное представление в некотором роде имеет отношение к Манихейскому учению, в котором Мани выступает как «ипостась» священной воли.

В целях исследовательского интереса общее представление о Манихействе можно получить у Х. Пуеха [Puech 1995].

Прим. переводчика. Манихейство – составленное из вавилонско-халдейских, иудейских, христианских, иранских (зороастризм) гностических представлений синкретическое религиозное учение перса

Мани, или Манеса (род. 14 апреля 216, Мардину, Селевкия-Ктесифон, Вавилония – ум. 273 или 276, Гундишапур, Вавилония: убит по требованию священников – последователей Заратустры – брошенным в него камнем периода античности. Наряду с зороастризмом и митраизмом манихейство было одной из самых влиятельных иранских религий.

Учение Мани – это дуалистическое учение о борьбе света и тьмы, добра и зла. Поскольку Мани, считавший себя последним и главным из пророков Бога добра (до него пророками были Аврам, Моисей, Заратустра, Иисус, Будда), стремился совместить все основные вероучения и заменить их, он стал преследуем всеми ими, в частности зороастрийскими священниками, от рук которых и умер. Несмотря на это, манихейство приобрело известное влияние и за пределами государства Сассанидов, а позднее – Аббасидов: на восток – вплоть до Китая и Сибири, на запад – до Испании и Галлии.

Основные положения этого учения таковы. Соотношение сил Света и Тьмы в мире менялось на протяжении разных эпох. Вначале существовало абсолютное и идеальное равновесие между силами Света и Тьмы. Свет располагался сверху, а Тьма – внизу, они являлись прообразами лёгкого, светлого, чистого неба и тяжёлой, тёмной, загрязнённой земли. Затем наступила вторая эпоха – промежуточная, или настоящая, когда изначальное равновесие было нарушено. Свет и Тьма перемешались, одно проникло в другое, и между ними началась борьба. Успех в этой борьбе сопутствует то одной, то другой стороне, и ни одна сила не может одолеть другую. Когда настанет в будущем третья, завершающая эпоха, силы Света окончательно возьмут верх над силами Тьмы.

Манихейская космогония так трактует дальнейшие события. Основной её элемент – это понятие «вызова» или «призыва», точнее – череды вызовов, которые посылают друг другу светлые различные божества. Вызов и отклик на него, который в свою очередь также может являться вызовом, являются ключевыми понятиями в манихействе, суть которых станет ясна из дальнейшего изложения.

Правитель Царства Света путём сложных актуализаций послал своего единородного сына, Первочеловека (или Сына Света), в Царство Тьмы для решительной борьбы с миром зла. По другим версиям, в результате «первого вызова» возникли два духовных начала, фактически воплощения самого Отца Величия – Мать Жизни и Первочеловек. Первочеловек был вооружён пятью священными силами, или чудесными элементами, – светом, ветром, огнём, водой и воздухом (эфиром). Во многих легендах Первочеловек вызывает себе на подмогу пять светоносных божеств, или сыновей, каждый из которых и соответствует одному из светлых элементов. Но Первочеловек не учёл коварства и подлости, на которые был способен князь Тьмы, – он был усыплен, а пять священных элементов поглощены тьмой.

Когда Сын проснулся, он понял, в каком плачевном состоянии находится, и воззвал о помощи. Отец, услышав крик Первочеловека, направил к нему особых посылных – Духа Живого, Друга Света и Великого Зодчего. Дух Живой (Михрйазд) – центральная фигура в этой триаде. По другой версии, на этом этапе следовала целая череда «призывов»: Друг Света вызвал Великого Зодчего, Великий Зодчий воззвал к Духу Живому, а тот, в свою очередь, призвал к себе на помощь пятерых сыновей.

Посланцу следовало поторопиться, иначе пребывание Первочеловека (по некоторым трактовкам – вместе с Матерью Жизни) в Царстве Тьмы могло бы закончиться его гибелью. А потому Дух Живой из всех сил устремился к чертогам зла. Достигнув границы, которая пролегла между Царством Света и Царством Тьмы, он громогласно ответил на призыв Первочеловека, возвестив тем самым о приближающейся помощи. Но окончательной победы над злом достичь не удалось: пять священных элементов остались в плену у Царства Тьмы и должны быть освобождены.

Вокруг «запертых частиц света» строилась вся космогония манихеев. Например, по объяснениям Мани, Дух Живой осознал, что запертые элементы так просто не высвободить из Царства Тьмы, и разработал целую стратегию их освобождения. Прежде всего, он сотворил весь космос для того, чтобы очистить или «вытянуть обратно» свет, поглощённый Царством Тьмы. Из частиц света, которых не коснулась тьма, Дух Живой создал солнце и луну. Из света, уже затронутого тьмой, были созданы звёзды, ветер, огонь и вода, находящиеся в постоянном движении. Материальный мир был сотворён из остатков поверженных демонов: в частности, из их костей возведены горы, из шкур созданы десять небес, из мяса и нечистот – восемь земель (иногда речь идёт о четырёх землях).

По некоторым версиям, творцом мира явился не Дух Живой, а сам Отец Света. Три высших божества – Первочеловек, Дух Живой и Мать Жизни – умоляют Отца Света сделать последний, «третий вызов», в результате появляется Третий посланник, который в свою очередь вызывает 12 дев. Они вынуждают мужских демонов тьмы извергнуть семя, от которого происходят растения, а женские демоны дают начало животному миру. Силы тьмы идут на очередную уловку. Супруга Царя Тьмы создаёт два пола, воплощённых в Адаме и Еве, для того чтобы закрепить плотское, физическое начало в мире, привязать чистый дух к тяжёлому телу. И хотя в мужчине преобладают светлые элементы, а в женщине – тёмные, оба они (и соответственно каждый человек) являются результатом смешения частиц света и тьмы.

Чтобы пробудить Адама от сна, Третий посланец призывает Иисуса Сияние, новую эманацию. Иисус Сияние раскрывает глаза Адама, заставляя вкушать от древа жизни. Тем самым Иисус Сияние проложил тропу, по которой, все остальные души должны так же быть отделены от тьмы. Для помощи душам Иисус Сияние перерождается в Ум Света, который будет с этого момента прояв-

ляться во всех следующих пророках. В манихейском учении важную роль играют луна и солнце. Из наиболее хорошо сохранившихся световых осколков создаются солнце, и луна. На обоих этих светилах находятся троны Отца Величия.

Манихейство имело невероятный успех в разных концах мира и на протяжении многих лет успешно соперничало с религиями, которые на то время уже сформировались и в большинстве своем были государственными. Причина этой популярности в удивительной простоте и наглядности манихейского мифа, а также в удивительной способности приспособливаться к различным культурным окружениям, в которых оказывались манихеи. Четкая и структурированная церковная система, благодаря которой была развернута широкая миссионерская и переводческая деятельность. Этическое учение манихеев давало право верующим самим выбрать, каким путём они пойдут: либо строжайшим путём «совершенного», либо соблюдением простых дел, которых обычному верующему достаточно для спасения.

Несмотря на все это, почти всюду манихейство стало «мировой ересью», существование которой иногда попускалось властями. Но все же стать той религией, которой было суждено быть единственной верой, объединившей все религиозные воззрения людей, манихейству не удалось. Просуществовав примерно тысячу лет, манихейство кануло в лету, оставив широкий простор для исследований.

В ходе наших размышлений нам удалось установить, что манихейская основа, формирующая фрейм конфликта и стратегию убеждения, может быть истолкована с гендерных позиций. Биполярная основа учения и категория гендера могут соответствовать друг другу во многом с точки зрения их общей функциональной структуры.

Конкретное подтверждение того, что категория гендера встраивается в логику Манихейства, представлено появлением женского рода как формирующего положительную сторону («мы», «благо») функционального элемента во фрейме конфликта «мы» против «них». Эта женская пассивная позиция, т.е. позиция жертвы, в противопоставление активной, служит основным условием существования героя. Женская роль также структурирует внутреннее и внешнее позиционирование в рамках линии гендерно маркированной страха.

Осуществляя подобное разделение, гендер формирует дополнительные концепты в представлении национальной идентичности, которая воспринимается как родина, нуждающаяся в защите (пассивная, женская сущность) и как Америка, ведущая за собой весь мир в борьбе со злом (активная, мужская сущность).

С позиции нарратива логика манихейской дуалистической идеи вновь оказывается рациональной не только по причине противостояния, в силу качественного неравенства, сил добра и сил зла, но потому что, как и в вестерне, «никто и никогда не задается вопросами о причинах необходимости возникновения и существ-

вованя сил зла, прояснить которые, скорее всего, невозможно» [Silver 2003: 191]. Поэтому, «цена подобного обстоятельства заключается в необходимости пересказывать этот миф снова и снова» [Там же: 191]. Но то, что хорошо для киноискусства, не очень приемлемо в политике и политическом дискурсе.

Согласно принципу повторяемости подобной оппозиции, действующей как способ укоренения национальной идентичности, герои и героини не умирают, потому что они обязательные участники, необходимые для раскрытия основных сущностей государственности. Обращение к нации изначально выстроено в женской (национальная принадлежность) и мужской (национальная идентичность) терминосистемах, в зависимости от того, какую позицию или роль хотят вывести на первый план. Концепт «женщина» появляется в результате необходимости передать в метафорическом фрейме слабую, уязвимую позицию, позицию жертвы. И именно этот концепт отражает черты существа, с одной стороны, полного заботливой любви, а с другой – хрупкого, уязвимого и любимого создания. Именно в таком метафорическом облике, близком к облику невесты, и предстает американская нация перед американским гражданином.

ЛИТЕРАТУРА

- Browne R.B. King of the Cowboys/Queen of the West: Ray Rogers and Dale Evans // *The Journal of American Culture*. 2006. № 29:1. P. 74.
- Bynum C. W. Introduction: The Complexity of Symbols / Gender and Religion: On the Complexity of Symbols. – Boston: Beacon Press, 1986.
- Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Palgrave Macmillan, 2004.
- Charteris-Black J. Britain as a container: immigration metaphors in the 2005 election campaign // *Discourse & Society*. 2006. № 17 (5). P. 563-581.
- Chilton P.A. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York: Peter Lang, 1996.
- Chilton P.A. *Analysing Political Discourse*. – London and New York: Routledge, 2004.
- Driver S., Martell L. Blair and Britishness: Blair's Britain // *Polity Press*. P. 461-474.
- Ferrari F.G.W. Bush's Public Speeches to the Nation: Exploiting Emotion in Persuasion: Discourse Analysis and Contemporary Social Change // *Linguistic Insights*. [Ed. by Peter Lang]. 2007a. Vol. 54. P. 381-404.
- Ferrari F. Metaphor at Work in the Analysis of Political Discourse: Investigating a 'Preventive War' Persuasion Strategy // *Discourse and Society*. 2007b. Vol. 8 (5).
- Johnson M., Lakoff G. *Metaphors we Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 2003 [1980].
- Kaplan A. Romancing the Empire: The Embodiment of American Masculinity in the Popular Historical Novel of the 1890s // *American Literary History*. 1990. № 2:4. P. 659-690.
- Kovecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Thirty Years of Linguistic Evolution* [ed. by Putz M.] // *Studies in Honour of Rene Dirven on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: Matsunaga Institute for Peace, 1992. P. 463-481.
- Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.) Metaphor and Thought (2nd edition)*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.
- Lakoff G. *Metaphors of Terror // Don't Think of an Elephant*. – Chelsea Green Publishing, 2004. P. 53-68.
- Layton L. *Who's that Girl? Who's that Boy? Clinical Practice Meets Post-modern Gender Theory*. – NJ: Jason Aronson, 1998.
- Lupton D. *The Emotional Self*. – London: Sage 1998.
- Plantin C. Les raisons des emotions // Bondi M. (ed.) *Forms of Argumentative Discourse*. – Bologna: Heuresis, 1998. P. 3-50.
- Puech H.-C. *Sul manicheismo*. – Torino: Einaudi Paperbacks, 1995.
- Reddy M.J. *The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language // Ortony A. (ed.) Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284-324.
- Sampson J. *Understanding Categorization: an Experiential Perspective // ECIS*. – 2002. June 6-8. Gdansk, Poland. P. 497-505.
- Schneider D. *American Kinship: a cultural account*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
- Semino E.M. *Maschi Politics is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy // Discourse and Society*. – 1996. № 7/2. P. 243-269.
- Silver M. *Ricareare il mito americano delle origini. "Shane" e il Western* [Bussi E., Leech P. (Eds.)] – Schermi della dispersione. – Torino: Lindau, 2003.
- Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in the American Culture*. – Oxford University Press, 1986.
- Steen G. *From Linguistic to Conceptual Metaphor In Five Steps* [Gibbs R. W., Jr., Steen G. J. (Eds.)] *Metaphor in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. P. 57-77.
- Van Dijk T. A. *Discourse and Manipulation // Discourse and Society*. – 2006. № 17 (3). URL: <http://www.discourse-in-society.org/teun.html> (Downloaded 22/06/05).
- Walton D. *The Place of Emotion in Argument*. – Pennsylvania: Penn State Press, 1992.
- Weigand E. *Emotions in Dialogue // Dialogue Analysis*. – 1998. № 6/1, P. 36-47.
- White R. E. *King of the Cowboys / Queen of the West: Ray Rogers and Dale Evans*. – Madison: Popular Press, 2005.

© Феррари Ф., 2010

© Шарычева Л. (перевод), 2010